

DOI: 10.31857/S086919080015012-0

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
КРИЗИСА В ЛИВАНЕ

© 2021

Л.Н. РУДЕНКО^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4629-1889; L-Rudenko22@yandex.ru

Резюме: В статье делается попытка исследовать различные аспекты современного социально-экономического и валютно-финансового кризиса в Ливане. Важное место при этом отводится анализу основных внешних и внутренних факторов, способствовавших в течение последних двух десятилетий обострению множества проблем, с которыми сталкивается страна в настоящее время. Одна из важнейших причин существенного ухудшения макроэкономической и социальной ситуации в 2010-е гг. связана с усилением политической напряжённости как внутри страны, так и в ближневосточном регионе, в частности с сирийским военным конфликтом, начавшимся в марте 2011 г. Накопившиеся за прошедшие два десятилетия острые социально-экономические проблемы вылились в конце 2010-х гг. в массовые протесты ливанского населения по всей стране.

Вслед за обострением политической и экономической ситуации в начале 2020 г. на Ливан распространился кризис, связанный с глобальной пандемией COVID-19. Принимая во внимание множество различных сложных проблем, с которыми сталкивается современный Ливан, можно ожидать, что последний кризис нанесёт сильный удар по крайне неустойчивой экономике страны. Наряду с COVID-19, экономика Ливана значительно пострадала от взрыва, который произошёл в Бейрутском порту 4 августа 2020 г. Поэтому в статье делается акцент на изучение влияния этих событий на экономическое положение и доходы населения страны, а также мер, принимаемых ливанскими властями с целью минимизации социально-экономического ущерба. Особое внимание при рассмотрении особенностей современного социально-экономического кризиса в Ливане автор уделяет таким наиболее острым, требующим неотложного решения проблемам, как высокий уровень государственного долга и бюджетного дефицита, рост бедности, безработицы и социального неравенства.

Ключевые слова: Ливан, социально-экономический кризис, финансовые проблемы, внешние и внутренние факторы, COVID-19, рост бедности, безработицы и социального неравенства.

Для цитирования: Руденко Л.Н. Особенности современного социально-экономического кризиса в Ливане. *Восток (Oriens)*. 2021. № 3. С. 52–60. DOI: 10.31857/S086919080015012-0

FEATURES OF THE CURRENT SOCIOECONOMIC CRISIS IN LEBANON

© 2021

Ljudmila N. RUDENKO^a^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4629-1889; L-Rudenko22@yandex.ru

Abstract. *The author of the article attempts to investigate various aspects of the current socio-economic and monetary-financial crisis in Lebanon, while analyzing the main external and internal factors that have contributed to the exacerbation of many problems the country is currently facing over the past two decades. One of the most important reasons for the significant deterioration of the macroeconomic and social situation in the 2010s is associated with the intensification in political tensions both within the country and in the Middle East region, in particular, with the Syrian military conflict that began in March 2011. The socio-economic problems erupted in the late 2010s into massive protests by the Lebanese population across the country.*

Following the aggravation of the political and economic situation in early 2020, the crisis related to the global COVID-19 pandemic spread to Lebanon. Given numerous complex challenges facing Lebanon today, the latest crisis, as can be expected, hit hard on the country's highly volatile economy. Along with COVID-19, the Lebanese economy was seriously affected by the explosion that occurred in the Port of Beirut on August 4, 2020. Therefore, the author of the article focuses on studying the consequences of these events for the economic situation and incomes of the country's population, as well as measures taken by the Lebanese authorities for minimization of social and economic damage. When examining the current socio-economic crisis in Lebanon, the author pays special attention to such most acute problems requiring urgent solution as the high level of public debt and budget deficit, growth of poverty and social inequality.

Keywords: Lebanon, socioeconomic, currency and financial crises, external and internal factors, COVID-19, public debt, poverty, unemployment, social inequality.

For citations: Rudenko L.N. Features of the Current Socioeconomic Crisis in Lebanon. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 52–60. DOI: 10.31857/S086919080015012-0

Экономика и социальная сфера Ливана в 2010-х гг. практически перманентно находились в кризисном состоянии. Одна из важнейших причин существенного ухудшения макроэкономической и валютно-финансовой ситуации связана с усилением политической напряжённости как внутри страны, так и в ближневосточном регионе, в частности, с сирийским военным конфликтом, начавшимся в марте 2011 г. Согласно данным правительственных и независимых источников, в Ливане нашли убежище более 1.5 млн сирийцев, что составляет около 30% ливанского населения [The Deliberate Depression, 2020, p. 51]. Присутствие значительного числа сирийских беженцев усугубило и так существовавшие серьёзные социально-экономические проблемы страны, приток беженцев стал тяжёлым бременем для ливанских государственных финансов, сектора услуг и социальной сферы. Среднегодовой темп экономического роста в 2011–2017 гг. замедлился до 1.8%. Для сравнения: в 2008–2010 гг., согласно данным Всемирного банка, этот показатель равнялся 9.0% [The Deliberate Depression, 2020, p. 52]. При этом в результате резкого падения экономической активности, которое наблюдалось в 2018 г., прирост валового внутреннего продукта Ливана снизился до 0.2 против 0.6% в 2017 г. [Lebanon Overview, 2019]. Заметно ухудшилось фискальное положение: дефицит государственного бюджета, согласно оценке, вырос на 4.5 процентных пункта против предшествующего года и достиг 11.5% ВВП. Соотношение государственного долга и ВВП (*the debt-to-GDP*) по состоянию на конец 2018 г. составило 151%, и по этому показателю Ливан занял третье место в мире. Уровень инфляции в годовом исчислении повысился до 6.1% по сравнению с 4.7 в 2017 г. Резервы иностранной валюты уменьшились на 2.3 млрд долл.¹ и равнялись 39.7 млрд долл. на конец 2018 г., что было эквивалентно стоимости импорта товаров и услуг в страну в течение

¹Здесь и далее имеются в виду доллары США.

13.5 месяцев [*Lebanon Overview*, 2019]. Снижение основных макроэкономических индикаторов Ливана в 2018 г. было обусловлено главным образом увеличением расходов на обслуживание государственного долга, повышением цен на топливо, а также ростом финансирования ливанских муниципалитетов перед очередными выборами.

Кризисное состояние ливанской экономики продолжало прогрессировать в 2019 г., особенно в четвёртом квартале. Накопившиеся за последние два десятилетия острые социально-экономические проблемы вылились в октябре 2019 г. в массовые протесты ливанского населения по всей стране. Согласно докладу Международного валютного фонда “*2020 Regional Economic Outlook for the Middle East and Central Asia*”, ВВП Ливана сократился в 2019 г. на 6,5% [*2020 Regional Economic Outlook*, 2020]. Финансовый кризис, в свою очередь, привёл к тому, что курс национальной валюты страны – ливанского фунта – упал на параллельном официальному рынку на 50%, выросла безработица, а банки ужесточили валютный контроль с целью экономии долларов [*IMF Sees Crisis*, 2020; *2020 Regional Economic Outlook*, 2020].

Несмотря на серьёзные социально-экономические трудности, важную роль в сохранении относительной макроэкономической и финансовой стабильности страны вплоть до конца 2010-х гг. играл достаточно сильный банковский сектор, который был способен привлекать значительные вклады частных лиц из-за рубежа. Необходимо отметить, что банки традиционно финансировали более половины значительной государственной задолженности Ливана, образовавшейся в основном в результате крупных заимствований для восстановления экономики страны, сильно разрушенной в ходе пятнадцатилетней гражданской войны, которая закончилась в 1990 г.

Вслед за обострением политической и экономической ситуации, произошедшим в 2019 г., в начале 2020 г. на Ливан распространился кризис, связанный с глобальной пандемией COVID-19, которая, естественно, не обошла стороной эту страну, как и многие другие части Арабского Востока. Принимая во внимание множество различных сложных проблем, с которыми сталкивается современный Ливан, можно ожидать, что последний кризис нанесёт сильный удар по крайне неустойчивой экономике страны.

Экономический ущерб от эпидемии коронавируса пока трудно оценить. Тем не менее прогнозируется, что дефицит государственного бюджета увеличится на 15%, что приведёт к заметному повышению уровня инфляции [Abi-Rashed, Diwan, 2020]. До начала пандемии в Ливане уже имело место массовое закрытие бизнесов в качестве реакции на события конца 2019 г., что способствовало резкому росту безработицы и бедности в стране. По имеющейся информации на январь 2020 г., 200 тыс. рабочих мест были утрачены по сравнению с данными об их общем числе на октябрь 2019 г. По предварительной оценке международных экспертов, к концу 2020 г. уровень безработицы, возможно, повысится с 12 до 30% [Abi-Rashed, Diwan, 2020]. Ливанские домохозяйства страдают от ограничений доступа к своим банковским счетам, а объём денежных переводов ливанцев, работающих за границей, существенно снизился из-за очередного падения глобальных нефтяных цен.

Наряду с COVID-19, сильный удар по экономике Ливана нанёс взрыв, который произошёл в Бейрутском порту 4 августа 2020 г. и вызвал серьёзное повреждение порта, а также прилегающих к нему районов Центрального Бейрута, оставив тысячи ливанцев без крова. В этой связи можно предположить, что необходимость восстановления порта, зданий и инфраструктуры города потребует от ливанского правительства в обозримом будущем значительных расходов, что может ещё более усугубить валютно-финансовый кризис, который переживает страна. Курс ливанского фунта по отношению к доллару снизился, согласно оценке на начало сентября 2019 г., на 80% по сравнению с октябрём того же года [*Lebanon Country report*. *Garda World*, 2020]. Взрыв 4 августа инициировал возобновление в Ливане

массовых протестов и привёл к отставке правительства. 31 августа 2020 г. новым премьер-министром был назначен Мустафа Адиб, однако внутренние политические споры относительно распределения власти в стране, вероятно отсрочат формирование нового кабинета министров [Lebanon Country report. *Garda World*, 2020].

Прежнее правительство Ливана в феврале 2020 г. одобрило весьма незначительный пакет мер с целью поддержки населения страны в связи с распространением эпидемии COVID-19. В частности, была выделена помощь бедным домохозяйствам в размере 150 долл. на одно домохозяйство. Кроме того, правительство обратилось с просьбой к местным банкам реструктурировать погашение задолженности для малых и средних предприятий (*small and medium enterprises – SMEs*) по низким процентным ставкам. Общая стоимость пакета мер составляет примерно 1.2 трлн ливанских фунтов (около 300 млн долл. по рыночному валютному курсу). Хотя государственные расходы на программу помощи оцениваются всего в 1% ВВП (это намного меньше, чем, например, в Египте, Иордании и Тунисе, где стоимость подобных пакетов мер равняется 2–3% ВВП), Ливан в настоящее время не располагает фискальными возможностями даже для их финансирования. Следовательно, реализация этой программы требует дополнительного печатания денег, что при отсутствии внешней помощи будет ухудшать нынешнюю кризисную макроэкономическую ситуацию в стране.

Важным негативным последствием COVID-19 для современной социально-экономической ситуации в Ливане является продолжающееся падение денежных переводов от ливанской диаспоры, значительная часть которой живёт и работает в нефтедобывающих странах Персидского залива и Западной Африки. Экономика этих государств, как известно, серьёзно пострадала в результате резкого снижения глобальных нефтяных цен в 2014 г. и испытывает серьёзные трудности в связи с их очередным падением и сохранением в дальнейшем на сравнительно низком уровне в связи с пандемией коронавируса. В результате многие ливанские гастарбайтеры, трудящиеся в странах-нефтеэкспортёрах, либо лишились работы, либо столкнулись с сокращением оплаты труда, или же пострадали их бизнесы, связанные с нефтяным и другими секторами экономики, что привело к падению объёма денежных трансферт экспатриантов в Ливан.

Множество сложных проблем, с которыми сталкивается страна в настоящее время, способствует углублению неравенства среди социально-экономических групп ливанского населения. Территориальные диспаритеты являлись одной из ключевых проблем Ливана даже в более благополучные годы. Периферийные территории, такие как Северный Ливан, Долина Бекаа и Южный Ливан оставались маргинализированными и слабо развитыми в течение длительного времени, в то время как усилия властей в сфере развития были сфокусированы на Бейруте и его окрестностях. По оценке Всемирного Банка, общая бедность (*overall poverty prevalence*) может достичь в 2020 г. 50% (в 2011 г. – 27%), при этом экстремальная бедность, как ожидается, составит 22% [Daqa, 2020]. Можно с уверенностью утверждать, что поскольку исторически самый высокий уровень бедности наблюдался на периферийных ливанских территориях, то эти регионы страны станут ещё беднее. Согласно последней имеющейся информации по распределению бедности по регионам Ливана в 2011 г., 38% населения Долины Бекаа относилось к бедным слоям, 36 – в Северном Ливане и 25 – в Южном Ливане по сравнению с 16% в Бейруте [Daqa, 2020].

Девальвация ливанского фунта привела к росту цен на товары первой необходимости, так как значительная часть местного потребления приходится на импортную продукцию. В результате уровень инфляции в стране повысился почти до 90% в годовом исчислении (*a year-to-year basis*) в середине 2020 г. [Daqa, 2020]. Однако более высокий рост инфляции наблюдался в ценах на базовые статьи потребления, в первую очередь на продовольствие. Малоимущие домохозяйства Ливана тратят подавляющую часть своих доходов на продукты

питания. Таким образом, растущая доля граждан страны страдает от уменьшения возможностей для приобретения еды. Следовательно, всё больше ливанцев, по всей вероятности, будут не в состоянии удовлетворить свои базовые потребности и окажутся в нищете. Более того, учитывая падение совокупного спроса (*aggregate demand*), частный бизнес пытается снизить операционные издержки путём уменьшения объёма своей деятельности и увольнения части занятых или, в лучшем случае, сокращения оплаты их труда (иногда за счёт сокращения рабочего времени). В результате растёт безработица или неполная занятость, толкая людей в неформальную («теневую») экономику.

Неравенство в доходах местного населения ещё более увеличивается из-за существования в стране множественных валютных курсов. Как правило, наёмные работники в Ливане получали заработную плату (доход) в долларах США или в ливанских фунтах. Ливанский фунт начал быстро обесцениваться после массовых протестов в конце 2019 г., эта практика привела к существенной разнице в доходах между двумя группами населения страны. Работники, которые получали заработную плату в ливанских фунтах, потеряли более 80% своих доходов. В свою очередь ливанцы, зарабатывающие в долларах, могли получить свои доходы только после их конвертации в национальную валюту по следующему курсу: 1 доллар США = 3900 ливанских фунтов. Иными словами, они теряли от 40 до 55% номинального дохода, если пересчитать его по привилегированному рыночному курсу: 1 доллар США = 7000 ливанских фунтов [Dara, 2020]. Важно отметить, что ливанские экспатрианты имели право покупать национальную валюту по рыночному курсу.

Занятые в государственном секторе Ливана находятся среди тех граждан страны, которые понесли наибольшие потери своей покупательной способности. Согласно некоторым оценкам, около 14% ливанской рабочей силы занято в госсекторе [Dara, 2020]. Большинство из них являются выходцами из бедных и неблагополучных регионов, в которых доля населения, занятого в государственном секторе, значительно выше, чем средний показатель по Ливану². Исходя из этого, можно предположить, что волна кризисов, с которыми сталкивается страна в настоящее время, ударяет сильнее по ливанской периферии, чем по центру, увеличивая социально-экономическое неравенство между регионами страны.

В июне 2020 г. министр экономики Ливана заявил, что 60% ливанцев к концу указанного года окажутся за чертой бедности, а, по оценке главы Ассоциации трейдеров Бейрута (*the Beirut Traders Association*), примерно ¼ частных бизнесов столицы прекратили свою деятельность, причём их число в ливанской провинции ещё выше [Sunniva, 2020]. В июле 2020 г. цены на продовольственные товары выросли на 24% по сравнению с предшествующим месяцем и на 330% против уровня, который был зафиксирован в июле 2019 г. [Half of Lebanese Businesses, 2020; Khreiche, 2020].

В настоящее время Ливан переживает глубокий, многослойный экономический и финансовый кризис, а также резкое падение доходов населения страны. Исходя из этого, эксперты Всемирного банка оценивают падение ВВП в 2020 г. в 19.2%, повышение уровня бедности до 45%, а экстремальной нищеты до 22%. Согласно их оценке, примерно 1.7 млн ливанцев находятся за чертой бедности (при этом 841 тыс. ниже черты продовольственной бедности) [US \$246 Million, January 12, 2021]. В этих условиях Ливан, безусловно, нуждается в поддержке международных финансовых организаций. Международный валютный фонд, в частности, выразил стремление оказать подобную помощь, однако, он оговорил её предоставление рядом условий, в том числе необходимостью проведения в стране ряда важных структурных реформ [Assoud, 2018; Assoud, 2021]. Всемирный банк, в свою очередь, в январе 2021 г. одобрил предоставление Ливану 246 млн долл. в качестве социальной помощи [US 246 Million, January

² Например, удельный вес ливанцев, занятых в государственном секторе в нижеследующих провинциях страны достигает (в %): 31 – в Аккаре, 26 – в Баальбек-Хермел и 19 – в Набатии.

12, 2021]. Согласно этому проекту (*The Emergency Crises and COVID-19 Response Social Safety Net Project – ESSN*), финансовая помощь будет оказываться 147 тыс. экстремально бедным ливанским домохозяйствам (примерно охватывающим 786 тыс. человек) в течение одного года. Домохозяйства, имеющие право на материальную помощь, будут получать месячные денежные трансферты в размере 100 тыс. ливанских фунтов на одного своего члена. Кроме того, 87 тыс. детей в возрасте 13–18 лет получают денежные трансферты для погашения расходов на обучение, включая сборы на школьную регистрацию (*school registration fees*), родительские советы, школьные учебники, транспорт, школьную униформу, компьютерное оборудование. и/или подключение интернета для дистанционного обучения [US \$246 Million, January 12, 2021].

Проект *ESSN* предусматривает расширение масштаба и улучшение реализации *National Poverty Targeting Program (NPTP)*, запущенной в 2011 г. с помощью Всемирного Банка. С этой целью в рамках *ESSN* будет применяться адресная методология для определения домохозяйств, имеющих право на финансовую помощь, а также наиболее уязвимых групп населения во всех ливанских регионах.

Пандемия COVID-19, по сути, усугубила социально-экономические и финансовые тренды, которые развивались в предшествующий период. Выше уже говорилось, что денежные переводы ливанской диаспоры начали резко снижаться после 2014 г. Одновременно банки страны попали под давление из-за американских санкций и угрозы частных гражданских судебных процессов в связи с вовлечённостью финансовых структур Ливана в глобальную систему отмыwania теневых доходов исламистского движения «Хизбалла». В этих условиях ливанские элиты начали выводить свои крупные долларовые вклады из страны. В то же время малые и средние предприятия и компании Ливана, а также индивидуальные (некрупные) вкладчики продолжали доверять фиксированному валютному курсу Центрального банка страны (*the Bank du Liban – BdL*) и сохраняли долларовые депозиты в ливанских банках, пока это не стало слишком поздно. В настоящее время данные депозиты оказались заморожены и потеряли свою прежнюю стоимость, а ливанская финансовая система потерпела совокупные валовые убытки в объёме свыше 93 млрд долл., а процентное отношение государственного долга к ВВП страны выросло до 171% [The Deliberate Depression, 2020, p. 25; Ricards, 2020].

Центральный Банк Ливана в связи с падением денежных трансфертов ливанской диаспоры в страну после 2014 г. увеличил во второй половине 2010-х гг. выпуск еврооблигаций. Так, например, в период с апреля по май 2016 г. были осуществлены новые выпуски на 3 млрд долл. В 2017–2018 гг. Ливан получил 10.2 млрд долл. за счёт выпусков еврооблигаций [Ricards, 2020].

Другим важным решением *Bank du Liban* было расширение практики так называемого финансового инжиниринга (*financial engineering*). Согласно этим схемам, *BdL* предлагал процентные ставки выше рыночных на долларовые депозиты коммерческих банков, которые, в свою очередь, использовали аналогичные ставки для своих вкладчиков с целью стимулирования долларовых вкладов и денежных переводов ливанских экспатриантов [Ricards, 2020]. Центральный банк Ливана также делал вклады в национальной валюте в коммерческие банки (главным образом за счёт печатания денег), возвращая таким образом местную валюту в качестве депозитов в *BdL* по намного более высоким процентным ставкам. Разрыв (*spread*) между суммами, которые выплачивали коммерческие банки, и теми, что они получали за вклады в местной валюте, мог составлять 11% от оборота ливанских фунтов, то есть, используя эту схему, они получали огромные прибыли [Ricards, 2020]. Финансовый инжиниринг расширился, и с его помощью искусственно поддерживался курс национальной валюты вплоть до второй половины 2019 г., когда он потерпел крах в связи с демонстрациями протеста по всей стране, триггером которых стали планировавшиеся

налоги на табак, бензин и на трафик некоторых интернет-мессенджеров. Вскоре фокус протестов переместился в сторону недовольства состоянием экономики, коррупцией и политических требований. Ливан, следовательно, был отрезан от рынка еврооблигаций (последний их выпуск состоялся в мае 2018 г.), а без притока новых долларовых ресурсов для продолжения реализации схем финансового инжиниринга достаточно быстро наступил коллапс. Центральный банк ужесточил валютный контроль, вывоз долларов был запрещён за редким исключением [Ricards, 2020]. Определённая часть ливанской элиты, по всей вероятности, была предупреждена о введении жесткого валютного контроля, поскольку успела перевести крупные суммы с долларовых депозитов на зарубежные счета. Большинство обычных граждан страны пали жертвой заморозки долларовых счетов.

Неэффективность и нестабильность ливанских правительств, наряду с ограниченным доступом к финансированию, являются главными проблемами для ведения частного бизнеса в Ливане. Слабо развитый фондовый рынок и отсутствие возможностей для инвестирования помимо монополизированной банковской системы ещё более затрудняет создание и развитие малых и средних предприятий. Неформальная («теневая») экономика рассматривается правящим режимом страны в качестве важного хозяйственного компонента, что показывает неадекватность системы управления экономикой. Согласно данным *World Bank Enterprise Survey*, около 60% обследованных ливанских компаний заявляли, что они испытывают жёсткую конкуренцию со стороны незарегистрированных и нелегальных бизнесов. Для сравнения упомянем, что аналогичный средний индикатор для стран Ближнего Востока и Северной Африки равняется 42%, то есть уровень неформальной экономики в Ливане более высок [*Lebanon Country Report*, BТИ 2018].

Антимонопольная политика пользуется в стране лишь ограниченной поддержкой из-за тесных внутренних связей среди политических и бизнес-элит. Парламент Ливана в течение более чем десяти последних лет не мог принять закон о конкуренции из-за противоречий между двумя влиятельными депутатскими коалициями – «March 14» и «March 8». Первая из них выступала за более существенное дерегулирование и развитие рыночноориентированной модели экономики. «March 8», в свою очередь, предпочитала доминирование в экономике государственного сектора и контролируемых государством предприятий. Безуспешные дебаты вокруг закона о конкуренции – это всего лишь наглядный пример нежелания проводить экономические реформы даже среди политиков, ориентирующихся на частный бизнес.

Учитывая высокий уровень рисков, связанных с нарастанием социально-политического, экономического, валютно-финансового и долгового кризисов в стране, ливанские правящие элиты должны найти в обозримом будущем консенсус по многим важным вопросам, касающимся выхода из крайне сложной экономической ситуации. В первую очередь Ливану необходима надёжная стратегия, которая позволила бы стабилизировать ситуацию, а также включала бы меры по восстановлению государственного управления, проведение ряда назревших структурных преобразований, в частности, монетарной и фискальной реформ, полную реорганизацию банковской системы.

Острая необходимость снижения огромного государственного долга и дефицита бюджета требует реформирования энергетического сектора Ливана, неэффективность деятельности которого в течение последних десятилетий наносит большой ущерб экономике страны. Приток сирийских беженцев ещё более обострил энергетические проблемы. На государственное финансирование национальной энергетической компании *Electricité du Liban*, по данным Всемирного банка, в 2011–2017 гг. приходилось в среднем 3.54% ВВП [The Deliberate Depression 2020, p. 41]. Ряд попыток реформировать ливанскую энергетику, которые предпринимались в предшествующий период при содействии зарубежных госу-

дарств и международных организаций, оказались безуспешными. В докладе Всемирного банка “*Lebanon Power Sector Emergency Action Plan—2020*” ливанскому правительству предлагается реализовать основные рекомендации закона № 462, введённого в действие в 2002 г., а также дополнений к нему. Закон № 462 предусматривает реструктуризацию энергетического сектора, в частности, путём передачи активов национальной компании *Electricité du Liban* по генерации и распределению электроэнергии частному сектору. Кроме того, план, подготовленный экспертами Всемирного банка, включает необходимость модернизации операционной деятельности, управления и повышения прозрачности в сфере энергетики в соответствии с международными стандартами, а также меры по стимулированию осуществления программы развития возобновляемых источников энергии в соответствии с задачами, заявленными на период до 2030 г. [The Deliberate Depression, 2020, p. 40–41; *The Global Competitiveness Report*, 2019].

Разгосударствление телекоммуникационного сектора Ливана также является важной составной частью необходимых структурных преобразований в экономике Ливана, особенно учитывая тренд на цифровизацию экономики, набирающий силу на Арабском Востоке. Развитие IT-сектора в стране сдерживается низким качеством предоставляемых услуг и их высокой стоимостью. В результате Ливан занимал в 2019 г. 95-е место среди 141 страны по показателю *ICT adoption* и 195-е место среди 221 страны в 2020 г. по скорости широкополосного интернета [*Cable’s Worldwide Broadband*, 2020; The Deliberate Depression, 2020, p. 41–42].

Осуществлению экономических реформ в Ливане препятствуют возобновившиеся с новой силой религиозные и политические конфликты. В то же время продвижение страны по пути социально-экономической модернизации невозможно без достижения консенсуса как в правящей элите, так и в ливанском обществе в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

2020 Regional Economic Outlook for the Middle East and Central Asia. International Monetary Fund. Washington, July 13, 2020. Pp. 3–11. <https://www.imf.org/en/Publications/REO/MECA/issues/2020/07/13> (accessed: 20.07.2020).

Abi-Rashed J.M., Diwan I. *The Socioeconomic Impact of COVID-19 on Lebanon: A Crisis within Crises*. June 2020. <https://www.euromesco.net/publication/the-socioeconomic-impact-of-covid-19-on-lebanon> (accessed: 29.08.2020).

Assoud L. Rethinking the Lebanese Economic Miracle: The Extreme Concentration of Income and Wealth in Lebanon 2005–2014. *WID. World working paper series number 2017/13. World Inequality Lab*, September 19, 2018. <https://www.wid.world/document/rethinking-the-lebanese-economic-miracle-the-extreme-concentration-of-income-and-wealth-in-lebanon-2005-2014-wid-world-working-paper-201713> (accessed: 25.12.2021).

Assoud L. *Political Economy: From Predatory to Self-Devouring*. Carnegie Middle East Center. London, 14 January 2021. <https://carnegie-mec.org/2021/01/14/lebanon-s-political-economy/> (accessed: 29.01.2021).

Cable’s Worldwide Broadband Speed League. 2020. <https://www.cable-broadband/speed/worldwide-speed-league/2020/> (accessed: 2.02.2021).

Dara K. *Marginalization Costs: Regional Disparities Fueling Lebanon’s Fragility*. Carnegie Middle East Centre. London, 2020. <https://carnegie-mec.org/> (accessed: 30.09.2020).

The Deliberate Depression. Fall 2020. *Lebanon Economic Monitor: World Bank Document*, Washington, December 1, 2020. Pp. 3–90. <https://www.worldbank.org/en/country/lebanon/publication/lebanon-economic-monitor/the-deliberate-depression-fall-2020/> (accessed: 1.02.2021).

The Global Competitiveness Report 2019. World Economic Forum, www.weforum.org/gsr/ (accessed: 2.02.2021).

Half of Lebanese Businesses Could Close in 2020: Chammas. *Daily Star*, June 16, 2020. <https://www.dailystar.com.lb/Business/Local/2020/June-16/507563-half-of-lebanese-businesses-could-close-in-2020-chammas.ashx> (accessed: 15.11.2020).

IMF Sees Crisis Hit Lebanon's Output Shrinking 12% in 2020. The Reuters, April 15, 2020. <https://www.reuters.com/article/lebanon-crisis-imf-idUSL5A2c361P> (accessed: 17.08.2020).

Khreiche D. Lebanon Inflation Soars Past 100% in Latest Sign of Meltdown. *Bloomberg*, August 26, 2020. <https://www.bloombrg.com/news/articles/2020-08-26/lebanon-inflation-soars-past-100-in-fallout-from-currency-shock> (accessed: 15.12.2020).

Lebanon Country Report. BTI, 2018. <https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/LBN> (accessed: 15.08.2020).

Lebanon Country report. Garda World. HIS Market, 8 September 2020. <https://garda.com/crises24/country-reports/Lebanon> (accessed: 12.09.2020).

Lebanon Overview. World Bank, Washington, 1 April 2019. <https://www.worldbank.org/en/country/lebanon/overview> (accessed: 17.08.2020).

Ricards J. *Crisis in Lebanon. Anatomy of a Financial Collapse*. Foundation for Defense of Democracies (FDD), August 4, 2020, Pp. 3–57. <https://www.fdd.org/analysis/2020/08/04/crisis-in-lebanon/> (accessed: 17.09.2020).

Sunniva R. Over-Indebted Lebanon Goes Deeper into Crisis. *Le Figaro*, June 7, 2020. <https://www.lefigaro.fr/cojoncture/le-liban-surendette-s-enforce-dans-une-crise-profonde-20200607> (accessed: 24.10.2020).

US \$246 Million to Support Poor and Vulnerable Lebanese Households and Build-Up the Social Safety Net Delivery System. World Bank. Washington, January 12, 2021. <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/01/us246-mln-to-support-poor-and-vulnerable-lebanese-households--and-build-up-the-social-safety-net-delivery-system> (accessed: 20.01.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РУДЕНКО Людмила Николаевна –
кандидат экономических наук, старший
научный сотрудник Центра арабских
и исламских исследований, Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ljudmila N. RUDENKO, PhD (Economics),
Senior Research Fellow, Centre of Arab and
Islamic Studies, Institute of Oriental Studies
RAS, Moscow, Russia.